

Андросов С.А.
ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КРЫМА В 20–30-е ГОДЫ XX
ВЕКА.

На небольшой территории Крыма тесно переплелись судьбы десятков народов, оставивших после себя многочисленные свидетельства своего прошлого, материализованные в памятниках истории и культуры. По состоянию на 1 января 2004 г. на государственном учете в Автономной Республике Крым состоят 2192 археологических объекта, 1224 памятника истории и монументального искусства, 437 памятников архитектуры и градостроительства [1]. Забота об их сохранении является одной из функций государства, что нашло отражение в Законе Украины «Об охране культурного наследия» от 8 июня 2000 г. [2]. Однако действительность убеждает в том, что одного законодательного декларирования недостаточно, и являет факты иного рода. Распахиваются попавшие в зону землепользования курганы степного Крыма. Идущие по следам археологов кладоискатели в поисках наживы уничтожают целые участки некрополей. Бесконтрольный отвод земли под строительство всевозможных дач на южном берегу полуострова приводит к нарушению границ парков, составляющих единое целое с памятниками дворцовой архитектуры. Руки новоявленных вандалов безжалостно оскверняют памятные знаки выдающимся деятелям культуры прошлого, героям Великой Отечественной войны. Сколько раз доводилось читать на установленных охранных досках, что памятник охраняется государством, и сколько раз сокрушаться при виде самого объекта охраны, своим запущенным состоянием дискредитировавшего важность подобного заявления. К сожалению, выработанный на протяжении многих десятилетий остаточный принцип выделения средств на культуру до сих пор дает о себе знать и в реставрации. Сбережение подлинников, а не возведение на их месте имитаций – трамв краугольный принцип отношения к культурному наследию. В жизни каждого народа наступает время от времени такой момент, когда он переосмысливает свое прошлое. Главное, чтобы нынешнее его переосмысление не свелось к огульному отрицанию и разрушению. Нечто подобное мы уже проходили в своей истории, когда вытравливались из памяти имена великих государственных и общественных деятелей, полководцев, писателей, поэтов, сносились памятники, взрывались храмы, переименовывались города и улицы. Историческое беспамятство с годами, как правило, оборачивается утратой нравственных устоев и приводит к культурному одичанию. Сохранение памятников национальной культуры является священной обязанностью просвещенных народов и давней традицией. Без знания всего разнообразия форм отношения к наследию прошлого осмысление современных проблем охраны памятников будет неполным.

В данном исследовании предпринята попытка раскрыть основные направления проводимой в конце 1920-х –1930-ые гг. органами государственной власти Крыма политики по отношению к культурному наследию прошлого, затрагивавшей такие сферы как: разработка законодательного обеспечения, организация учета, выявление и исследование памятников, проведение ремонтно-реставрационных работ исторических и архитектурных объектов, создание заповедников. Эта тема в историографии является недостаточно разработанной. Отдельные ее аспекты частично затронуты в статьях А.И. Полканова, Т.Ф. Гелаха, Н.Л. Эрнста, П.Н. Шульца [3]. Из современных исследователей более детально на ней остановился В.Ф. Козлов в статье, посвященной охране памятников в Крыму в 1920–1941 гг. [4]. Автор в своей работе в большей степени использовал источники, выявленные в архивах Москвы и Петербурга, а также периодическую печать, посетовав на почти полное отсутствие документов по данной проблеме в крымских архивах и музеях. Действительно фонд народного комиссариата просвещения Крымской АССР (Крымнаркомпрос) – головного учреждения, занимавшегося охраной памятников, значительно пострадал в период Великой Отечественной войны. Тем не менее, материалы, отложившиеся в фондах ЦИК и СНК Крымской АССР, Верховного Совета Крымской АССР, Крымского республиканского и Евпаторийского краеведческих музеев, музея пещерных городов, а также в личных фондах Н.Л. Эрнста, П.Н. Надинского, частично компенсируют эту утрату и послужили основой для написания предлагаемой статьи.

Во второй половине 1920-х годов в советской идеологии прочно утверждается принцип нигилистического отношения к прошлому, напрямую коснувшийся и памятников истории и культуры. На страницах центральных газет развернулась острая дискуссия по вопросу: «Надо ли охранять все старое?» [5]. Ее возникновение обуславливалось тем, что в связи с началом индустриализации появилась срочная необходимость строительства новых корпусов заводов и фабрик, жилых домов. Реконструкция городов предполагала расширение старых улиц и площадей. В первую очередь под строительные площадки обращались подлежащие сносу закрытые церкви и соборы, поскольку в таких случаях отпадала необходимость в переселении людей и предоставлении помещений для перемещаемых учреждений. Ликвидация культовых сооружений проходила в русле антирелигиозной кампании, набравшей все больший размах по стране. «Все в ряды Союза воинствующих безбожников. Борьбой против религии усилим темпы строительства социализма», – гласила резолюция состоявшегося 23 декабря 1929 г. собрания рабочих и служащих Севастопольского судостроительного завода [6]. Воинствующее безбожие на деле привело к тому, что вместе с идеей бессмертия души было отвергнуто и само понятие духовности. Однако судьбу церквей решали не воинствующие безбожники, а административные органы власти, заботившиеся не столько о душах верующих, сколько об отчетности о количестве закрытых якобы по единодушному решению прихожан молитвенных домов и о непрерывном росте таких показателей. Так, по сведениям Центрального административного управления (ЦАУ) Крымской АССР на 15 сентября 1930 г. из 1100 храмов различного вероисповедания было ликвидировано 333 [7]. Закрытие храмов породило проблему использования их зданий, так как некоторые из них являлись памятниками культовой архитектуры и состояли на учете в Главном управлении научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР. На этот счет не было недостатка соответствующих распоряжений. Например, циркуляр №351 Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР от 19 сентября 1927г. « О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культово-

го имущества» гласил: «...При ликвидации зданий религиозного культа необходимо иметь в виду, что все предметы из благородных металлов и драгоценных камней подлежат зачислению в госфонд...или в распоряжение губмузея, если ликвидированные молитвенные здания состояли на учете Главмузея Наркомпроса РСФСР.» [8] В циркуляре №7 ЦАУ Крымской АССР от 7 октября 1928 г., адресованном начальникам административных отделов указывалось: «...культовые здания, признанные Главнаукой памятниками искусства и старины не могут быть передаваемы по договорам верующим, ремонтируемы, а тем более снесены без ведома и согласия подлежащих музейных учреждений...» [9]. Однако этим указаниям не всегда следовали.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в ведение музейных органов перешли мечети: «Чертерли» в Карасубазаре, «Хан-Джами» в Бахчисарае, «Джума-Джами» в Евпатории; церкви: Николая Чудотворца в Севастополе, «Всех скорбящих» в пос. Инкерман; армянский монастырь Сурб-Хач близ Старого Крыма, католический костел «Святой Марии» в Судаче, караимская кенаса в Евпатории [10]. Армяно-григорианские церкви Св. Сергия и архангелов Михаила и Гавриила использовались для хранения архитектурных фрагментов и эпиграфических памятников, обнаруженных при археологических раскопках в Феодосии [11]. В Благовещенском корпусе Инкерманского монастыря разместился музей краеведения сельского типа [12]. В Воскресенской церкви у Байдарских ворот акционерное общество «Советский турист» открыло экскурсионную базу [13]. Из 295 закрытых к 24 марта 1930 г. культовых зданий использовались под школы – 39, клубы – 44, детские учреждения – 2, больницы – 5, жилье – 36, спортзалы – 6, склады – 6, мастерские – 2, музеи – 13, прочего назначения – 19 [14]. Причем 66 стояли без всякого употребления, а 57 были просто снесены. Объяснение подобному вандализму можно найти в докладной записке заведующего столом религиозных культов Быкова начальнику административного отдела Севастопольского райисполкома Дмитриеву, датированной ориентировочно июнем 1928 г. В ней, в частности сообщалось: «...Ликвидированные храмы, кои до сих пор не использованы, есть явление вредное. Ибо среди верующего населения создается такое впечатление, что дескать вот советская власть закрывает храмы, как будто им нужны эти здания, а сама их не использует. А поэтому необходимо постановление Президиума (КрымЦИКА - Авт.) какие по его мнению можно будет разобрать и какие использовать. При этом необходимо...в отношении тех храмов, которые будут использованы, чтобы арендаторы имели в виду...что они обязаны снять с них купола, а также все церковные виды, дабы не осталось впечатления впоследствии у массы как о храмах...» [15] В своем стремлении стереть с лица земли следы существовавших культовых сооружений местные власти иногда доходили до абсурда. Так, например, в дер. Гурзуф в качестве астрономического и геодезического знака, вошедшего в крымскую триангуляцию 1888 – 1904 г.г., был определен крест Успенской церкви. В 1928г. Ялтинский райисполком вынес решение о переоборудовании ее под клуб, что влекло снятие креста. Только протест Астрономического института Главнауки предотвратил несанкционированное уничтожение знака [16].

Наряду с культовыми постройками запустению и разорению подвергались памятники археологии, истории, архитектуры. Изученная в 1926г. группа таврских могильников у с. Гаспра Ялтинского района оказалась разрушенной вследствие выборки местными жителями песка на холме, где она располагалась [17]. В 1932 г. в результате строительства корпусов санатория «Жемчужина» был уничтожен некрополь римской крепости Харакс на Ай-Тодорском мысу [18]. Такая же участь постигла античный город Керкенидиду, открытый в 1917 г. Л.А. Моисеевым на месте бывшего карантинного Евпатории и находившийся в ведении местного краеведческого музея. Не располагая средствами для проведения раскопок, музей не мог исследовать городище. В свою очередь без производства изыскательских работ эту территорию нельзя было кому-либо передавать под застройку. Тем не менее прибывший в 1929 г. в Евпаторию для продолжения раскопок Л.А. Моисеев увидел, что открытые им ранее участки оборонительных стен с башнями, равно как и городских кварталов, уже не существуют, большую часть городища заняла военно-курортная станция, причем на одном из участков ею был разбит парк. Обеспокоенный за судьбу памятника он обратился с письмом в Главнауку, Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), Крымнаркомпрос с просьбой либо незамедлительно продолжить раскопки, либо приостановить строительство военного санатория [19]. В 1932 г. между Крымнаркомпросом и санаторием был заключен договор о передаче части территории городища [20]. Договором обуславливалось, что санаторий берет на себя расходы в сумме 3500 рублей на проведение предварительных археологических изысканий. Однако администрация здравницы нарушила условия договора, отказавшись выделять средства и развернув в границах заповедника строительство хозяйственных помещений.

Сезонные рабочие совхоза Севастопольского морзавода устроили свалку мусора на территории крепости Каламита в Инкермане [21]. На окраине Симферополя, в Петровской балке, подверглось разгрому кладбище, на котором покоились останки 36 тысяч участников Крымской войны [22]. В Севастополе в 1928 г. пошел в переплавку памятник адмиралу П.С. Нахимову [23]. В первой половине 1930-х годов в Карасубазаре превратились в развалины нижний «Таш – хан» (древний караван – сарай), турецкие и армянские бани, дом Бакши, от которого уцелели лишь потолки с деревянной резьбой, вывезенные в 1929 г. в Бахчисарайский музей [24]. В запущенном состоянии пребывал верхний «Таш-хан», используемый под конюшню и склады городского отдела народного образования.

В чем же причины того, те несомненные достижения, которые имелись в деле сохранения культурного наследия Крыма в первой половине 1920-х годов, вскоре оказались утраченными? На наш взгляд необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, настоятельная потребность в сокращении расходов на содержание государственного аппарата серьезно затронула органы охраны памятников. По решению коллегии Крымнаркомпроса от 2 апреля 1927 г. Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и народного быта (Крымохрис) как самостоятельный отдел был упразднен [25]. Вместо него в отделе политико-просветительной работы Крымнаркомпроса была введена должность инспектора по музеям. Согласно положению о Крымнаркомпросе, утвержденном в 1929 г., в

компетенцию инспекции по делам музеев и охране памятников входило: руководство деятельностью музеев, учет и регистрация памятников, определение их охранных зон, контроль за производством археологических раскопок и реставрационных работ, участие в заключении договоров с учреждениями и организациями на использование памятников, организация исследовательских экспедиций [26]. Само собою разумеется, что справиться со всеми перечисленными обязанностями одному инспектору было нелегко. Вот почему к этой работе привлекались музеи. В ежегодных музейных отчетах предусматривался специальный раздел, включавший выявление, взятие на учет, ремонт – реставрацию, изучение и популяризацию памятников. Однако музеи зачастую не располагали ни силами, ни средствами для поддержания памятников. В частности, за Центральным музеем Тавриды в 1927 г. был закреплен археологический округ из Алуштинского, Джанкойского, Карасубазарского, Краснопереконского, Симферопольского административных районов, составлявший почти половину территории полуострова. В тоже время сумма, выделенная на год из госбюджета на командировки музейных работников, составила всего 150 рублей [27]. Вполне понятно, что при таких мизерных ассигнованиях, музей не мог нести не только надлежащую охрану, но даже вести наблюдение за состоянием многочисленных памятников.

Во-вторых, чрезмерно затянулся процесс подготовки и утверждения на общегосударственном уровне реестра памятников, подлежащих охране. С 1927 г. его составлением занимались Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) во главе с И.Э. Грабарем [28]. Составленные топографические карточки на зарегистрированные памятники требовали повторного уточнения в связи с производимым в то время новым районированием СССР. В опубликованном письме Главнауки «О распределении памятников архитектуры на категории» от 17 января 1928 г. формулировались в виде схемы общие принципы их классификации. Основным критерием являлась историческая, архитектурная и художественная ценность. Памятники подлежали разбивке на четыре категории (высшую, первую, вторую, третью), определявшие степень охраны и подведомственность Центру или местным органам власти. К 1930 г. ЦГРМ подготовили первый реестр архитектурных памятников РСФСР, включавший 3000 единиц [29]. По Крымской АССР к высшей категории было отнесено 34, а к первой – 68 объектов [30]. Однако этот список, составленный на основе устаревших данных нуждался в дальнейшей переработке. Проходивший в декабре 1930 г. I Всероссийский музейный съезд разработал новую форму учета – паспорт, призванный всесторонне охарактеризовать данный памятник и доказать целесообразность его охраны [31]. Паспорт содержал полную информацию о памятнике, включая первоначальное назначение и современное использование, историю возникновения (дата, автор, исполнитель, заказчик), местонахождение, материал, техническое состояние, краткое описание, фото, чертежи, библиографию и документальные сведения. В 1931 г. первоначальный реестр памятников подвергся очередному пересмотру и сокращению до 1200 объектов. Работа по его уточнению продолжалась и в дальнейшем.

В - третьих, в конце 1920-х – начале 1930-х годов произошло резкое снижение ассигнований на поддержание памятников, связанное с необходимостью концентрации средств для строительства объектов первой пятилетки. Пришлось также ликвидировать последствия сильного землетрясения, произошедшего в Крыму в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г. Общая стоимость повреждений исчислялась суммой в 31819000 рублей [32]. Ущерб по культурно – просветительным учреждениям составил: Восточный музей в Ялте – 10000 рублей, Ялтинский краеведческий музей – 5000 рублей, дом – музей А.П. Чехова – 4500 рублей, Алуштинский дворец – музей – 15000 рублей, Херсонесский историко - археологический музей – 5582 рубля, Центральный музей Тавриды – 2000 рублей, «Пушкинский домик» в Гурзуфе – 10000 рублей, Судакская крепость – 2000 рублей, башни крепости Алустан – 300 рублей Феодосийский археологический музей – 875 рублей, Евпаторийский краеведческий музей – 630 рублей [33]. Кроме того, Бахчисарайскому дворцу довелось пережить еще один удар стихии. В 1931 г. ураганный ливень причинил ему убытков на 25000 рублей [34]. Пострадали посольский и гаремный корпуса, восточный дворик, мавзолей, ханское кладбище.

В-четвертых, к началу 1930-х годов завершился разгром краеведческого движения. Утверждавшее преемственность исторических связей, традиций, обычаев оно не вписалось в схемы усиления классовой борьбы и полного разрыва с прошлым. Главный упор теперь делался на исследование производительных сил, а в исторической науке на долгие годы обосновался вульгарный социологизм. В 1931 г. прекратило свое существование Таврическое общество истории, археологии и этнографии, члены, которого принимали активное участие в выявлении, изучении и пропаганде памятников истории и культуры. Таковы основные причины, которые обусловили проявление негативных тенденций в деле охраны культурных ценностей Крыма в начале 1930-х годов. Следует заметить, что Крым не был каким-то исключением в этом отношении. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах страны.

Пренебрежительное отношение к историко-культурному наследию стало приносить столь очевидный урон, что ВЦИК и СНК РСФСР вынуждены были принять ряд законодательных актов в его защиту. По одному из них 20 августа 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР был организован Междуведомственный комитет по охране памятников революции, искусства и культуры [35]. В его состав вошли представители ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, ЦГРМ, ГАИИМК, Академии Наук, Государственного исторического музея. На комитет возлагалось общее наблюдение за выполнением всех постановлений правительства по вопросам охраны памятников, составление на основании материалов, разработанных Наркомпросом РСФСР списка памятников, подлежащих государственной охране, разрешение вопросов использования, переезда, реставрации и, в случае необходимости, разборки памятников. Создание комитета явилось новым шагом на пути совершенствования системы государственного контроля за сохранностью культурных ценностей. По постановлению Президиума ВЦИК от 1 февраля 1933 г. непосредственную ответственность за проведение в жизнь законодательства об охране историко-культурного наследия несли в автономных республиках народные комиссары по просвещению, в краях, областях и городах – заведующие отделами народного образования [36].

10 августа 1933 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников». Оно предписывало: «Запретить сломку, переделку и использование исторических памятников государственного значения (памятники революционного движения, крепостные сооружения, дворцы, дома, связанные с историческими событиями и лицами, монастыри, церкви и другие здания), а также ликвидацию музейных предметов, имеющих историко-художественное значение и находящихся в зданиях, подлежащих государственной охране, – без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК, а в отношении памятников, имеющих местное значение, – без разрешения НКПросов АССР или краевых, областных отделов народного образования» [37]. Расходы по охране используемых исторических зданий возлагались на арендаторов, что повышало их ответственность за состояние памятников. В дополнение к нему ВЦИК и СНК РСФСР издали 10 февраля 1934 г. постановление «Об охране археологических памятников», которым запрещалось «уничтожение, повреждение и использование без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК археологических памятников (древних городищ, селищ, стоянок, мест древних горных разработок, курганов, могильников, каменных изваяний, сооружений, древних изображений и письмен на камнях и скалах и т. п., а также имеющих археологическое значение вещественных находок и кладов» [38]. Как одним, так и другим постановлениями Комитету по охране памятников поручалось представить на утверждение Президиума ВЦИК списки соответственно исторических и археологических памятников.

1 августа 1934 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании при ЦИК АССР, краевых и областных исполкомах комиссий по охране памятников гражданской войны и Красной Армии». В соответствии с утвержденным 1 октября того же года типовым положением перед комиссией ставились следующие задачи: охрана, приведение в образцовый порядок и художественное оформление братских могил, одиночных захоронений героев и мест боев гражданской войны, установка памятников и мемориальных досок [39]. Особое внимание должно было уделяться пропаганде революционных реликвий, включая издание архивных материалов, фотодокументов, альбомов, организацию музеев, выставок и экскурсий.

Во второй половине 1930-х годов происходят некоторые изменения в государственной системе охраны памятников. 17 января 1936 г. при СНК СССР создается Всесоюзный комитет по делам искусств [40]. При СНК союзных и автономных республик были учреждены управления по делам искусств. В июне 1938 г. Всесоюзному комитету по делам искусств и его органам на местах передаются функции ликвидированного Межведомственного комитета по охране памятников [41]. Параллельное существование двух государственных структур: Крымнаркомпроса и Управления по делам искусств Крымской АССР, призванных заниматься памятниками, отнюдь не способствовало улучшению дела их охраны. В докладной записке Крымнаркомпроса «Об охране исторических памятников в Крыму», направленной 7 октября 1939 г. в КрымСНК, указывалось: «...Если до 1938 года охраны почти не было в виду слабой организационной структуры и безответственного отношения к порученному делу охраны памятников, то сейчас никакой ответственности вообще никто не несет (Управление по делам искусств Крыма не приняло на себя ответственности и охрана памятников механически числится за Наркомпросом). Учитывая безнадзорность данного участка, Наркомпрос в последнее время поручил охрану нескольких десятков памятников музеям...» [42]. Однако музеи не имели средств для охраны, что не могло ни отразиться на состоянии памятников. Прилежавшая в радиусе 75 метров к пещере Чокурча близ Симферополя территория, объявленная еще в 1929 г. заповедной, попала в зону колхозного землепользования. Почти 500 памятников Крымской войны на Братском кладбище Севастополя, где нашли упокоение 128 тысяч воинов, были запущены, а большинство их разрушено, трофейные пушки, артиллерия (ограды, оформление) в свое время пошли в металлолом [43]. В 1938 г. без всякого согласования снесли в том же городе английский памятник в районе 3-го бастиона. В результате подмыва морским прибоем подводной части в аварийном состоянии находился памятник затопленным кораблям. В августе 1939 г. в Керчи уничтожили ворота древнего города. В Аджимушкайских каменоломнях – памятнике гражданской войны хозяйничали завод имени Войкова, продолжавший добычу камня, и консервный завод, разводивший в проходах шампиньоны. В Евпатории произвели несанкционированные переделки в здании бывшей караимской кенасы. В поисках выхода из сложившейся ситуации и с целью ликвидации межведомственности КрымСНК постановлением от 2 ноября 1939 г. передал Управлению по делам искусств охрану, учет и наблюдение за состоянием памятников, что противоречило рассмотренным выше постановлениям ВЦИК и СНК РСФСР соответственно от 10 августа 1933 г. и от 10 февраля 1934 г., по которым прерогатива в деле сбережения культурного наследия принадлежала исключительно Наркомпросу и его органам на местах. За Управлением по делам искусств были закреплены лишь функции наблюдательного органа. На такую законодательную импровизацию Крымского правительства обратил внимание Наркомпрос РСФСР и потребовал отмены принятого им постановления [44]. 24 января 1940 г. КрымСНК внес изменение в свое постановление, восстановив фактически одинаковую ответственность за состояние памятников на Крымнаркомпрос и Управление по делам искусств Крымской АССР [45]. Секретариат Президиума Верховного Совета Крымской АССР на заседании 10 августа 1940 г., указав на неудовлетворительное состояние охраны, ремонта и реставрации памятников в Крыму и слабое руководство этим делом со стороны двух ведомств, потребовал от КрымСНК пересмотреть свои постановления и четко разграничить их функции [46]. 11 октября 1940 г. КрымСНК принял постановление «О состоянии охраны памятников Крымской АССР» [47]. С его изданием утратили силу постановления от 2 ноября 1939 г. и от 24 января 1940 г. На Крымнаркомпрос возлагались государственная охрана памятников, учет, наблюдение и содержание их в надлежащем состоянии, организация ремонтных и реставрационных работ, а за Управлением по делам искусств Крымской АССР сохранялись функции консультативного органа по вопросам сноса, перемещения и реставрации исторических объектов.

Законодательные акты, принятые в 1930-е годы на общесоюзном, республиканском и местном уровнях, заложили определенную правовую базу для осуществления мероприятий по сохранению культурного наследия Крыма.

Важное значение для сохранения памятников имело их выявление, тщательное изучение и своевременная постановка на учет. Ни один регион Советского Союза не мог сравниться с Крымом по насыщенности разного рода древностями. Неслучайно полуостров называли школой отечественной археологии. Начало систематическим археологическим исследованиям в Крыму положили две Всесоюзные конференции археологов – в Керчи (1926 г.) и (Херсонесе 1927 г.). Начавшаяся на рубеже 1920-х – 1930-х годов индустриализация дала мощный толчок для бурного развития археологического изучения первобытного, античного и средневекового Крыма. К тому времени относится появление на полуострове так называемых «новостроечных» экспедиций, исследовавших остатки древностей на местах будущего промышленного строительства.

Успешно продолжалось исследование памятников первобытной культуры. Прежде всего следует отметить открытие в 1927 г. симферопольским краеведом С.И. Забниным палеолитической пещеры Чокурча [48]. Ее изучение длилось вплоть до 1936 г. К сожалению, сохранить пещеру в неприкосновенности не удалось. Она чрезмерно пострадала от «нашествия» экскурсантов и прочих «любителей» старины [49]. В 1928 г. С.Н. Бибиковым была обнаружена палеолитическая стоянка в пещере Шайтан - Коба у дер. Тав – Бодрак Бахчисарайского района [50]. В 1936 г. он же выявил погребение с костяками кроманьонского типа тарденуазской эпохи в пещере Мурзак – Коба на левом берегу реки Черной [51]. В 1937 – 1939 г. г. О.Н. Бадер продолжил раскопки К.С. Мережковского на памятнике мустьерской эпохи – Волчьем гроте вблизи с. Мазанка Симферопольского района [52]. В распоряжении заместителя председателя КрымСНК С.Н. Грачева председателю Мазанского сельсовета указывалось: «...Означенный памятник глубокой старины представляет собой огромное научное и политико – просветительное значение. Учитывая это обстоятельство, СНК Крыма предлагает вам установить строгую охрану пещеры и место раскопок сохранить в неприкосновенном виде. Для этой цели...надлежит оградить пещеру со стороны дороги проволочным ограждением и установить постоянную охрану. Местное население должно быть широко оповещено об этом. В качестве одной из мер необходимо рекомендовать установку столба на месте раскопок с объявлением о строжайшем запрете входить на территорию раскопок.» [53]

Евпаторийская экспедиция под руководством П.Н. Шульца продолжала изучение скифских городищ Крыма [54]. Весомый вклад в расширение представлений об античной цивилизации внесли раскопки древнегреческих колоний Северного Причерноморья. В 1927 – 1928 г.г. К.Э. Гриневич уделил основное внимание исследованию фортификации Херсонеса [55]. С 1931 г. по 1940 г. систематическими раскопками северной части Херсонеса, вскрывшими античные и средневековые городские кварталы с развалинами жилых домов, хозяйственных построек, цистерны, базилику VI в., некрополь руководил Г.Д. Белов [56]. Раскопки в конце 1920-х – 1930-ые годы Л.А. Моисеева в Керченитиде и Калос – Лимене (м. Ак – Мечеть), К.Э. Гриневича, Н.И. Репникова, С.Ф. Стржелецкого на Гераклеяском полуострове, к югу от Севастополя, дали обширный материал для реконструкции хоры – сельскохозяйственной округи Херсонеса [57]. Римское укрепление Харакс на Ай – Тодорском мысу стало предметом исследований В.Д. Блаватского [58]. В 1933 г. начала свою деятельность многолетняя Боспорская археологическая экспедиция. Проведенные под руководством В.Ф. Гайдукевича раскопки Тиритаки и Мирмекия позволили на конкретном вещественном материале показать развитие таких отраслей хозяйства Боспора, как: металлообработка, гончарство, виноделие, рыболовство [59].

Наряду с античными в поле зрения исследователей попадают и средневековые памятники. В 1927 г. экспедиция ЦГРМ, возглавляемая И.Э. Грабарем, обследовала «пещерные города» Крыма с целью ознакомления с образцами древнего искусства [60]. Специалисты выполнили копирование акварелью фресок храмов: «Донаторов» у дер. Черкес – Кермен Бахчисарайского района, «Трех всадников» и «Успения» на городище Эски – Кермен. Необходимость этой работы обуславливалась нависшей угрозой утраты росписей, поскольку пещерные церкви не охранялись, в незагороженные входы нередко заходил скот, а в помещениях складировался урожай с соседних полей и огородов. В 1928 – 1933 г. г. под руководством Н.И. Репникова проводились раскопки на Эски – Кермене [61]. В 1938 г. М.А. Тиханова, Е.В. Веймарн, А.Л. Якобсон исследовали Мангуп. В 1927 г. краткосрочные раскопки на территории Судакской крепости произвели Ю.В. Готье, М.А. Тиханова, Е.Ч. Скржинская. В конце 1920-х годов У.А. Боданинский и О.А. Акчокраклы занимались выявлением памятников татарской культуры на Чуфут – кале и в Старом Крыму [62]. В 1929 – 1931 г. г. Н.С. Барсамов раскопал поселение XII – XV в. в. на плато Тепсень в Коктебеле [63].

В целом, подводя итог археологическому изучению памятников Крыма в конце 1920-х – 1930-е годы, надо отметить, что оно шло довольно интенсивно. В большей степени здесь преуспевали научно – исследовательские учреждения Москвы и Ленинграда, результатом чего явился вывоз за пределы республики культурных ценностей, пополнивших экспозиции столичных музеев. Крымские музеи, пожалуй за исключением Керченского и Херсонесского, располагавшие более скромными финансовыми возможностями, принимали участие в совместных экспедициях, сосредоточив свои усилия в основном на выявлении и учете памятников.

На протяжении 1930-х годов одной из актуальных проблем оставалось составление реестра памятников, подлежащих государственному учету. В постановлении Президиума КрымЦИК «О состоянии и задачах музейного строительства в Крымской АССР» от 2 октября 1934 г. перед Крымнаркомпросом была поставлена задача к 1 января 1935 г. провести учет и паспортизацию памятников старины, революционно-го движения и искусства [64]. Представленный в Наркомпрос РСФСР и утвержденный постановлением Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 г. список памятников старины, состоящих на централизованной охране по Крымской АССР, оказался далеко не идеальным [65]. Работа по его подготовке, учитывая сжатые сроки и обилие памятников, была проведена поверхностно, без выездов для сверки на места. Не все па-

мятники, достойные того, попали в список, а некоторые, зачисленные заочно, в действительности уже не существовали. Вот почему список надолго «осел» в Крымнаркомпросе и до местных властей доведен не был. Уточнение его проводилось с помощью музеев вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1934 – 1937 гг. экспедиция Алушкинского дворца – музея в составе Я.П. Бирзгала, Н.Л. Эрнста, С.Д. Кочубинского в связи с составлением археологической карты Южного берега Крыма провела обследование и учет памятников от мыса Айя (у Балаклавы) до Алушты [66]. Осмотру были подвергнуты первобытные стоянки на Яйле и склонах гор, таврские и готские могильники, античные и средневековые поселения, крепостные укрепления – исары, развалины греческих церквей и монастырей, генуэзских крепостей, бывшие дворцы, особняки и парки русской знати и буржуазии, памятники, связанные с пребыванием в Крыму выдающихся деятелей культуры, революционного движения и гражданской войны. Помимо описаний производились обмеры, фотографирование, зарисовки, составлялись топографические планы. В 1939 г. обследование исторических памятников Алушты с составлением кратких характеристик произвел научный сотрудник местного краеведческого музея П.Ф. Полищук с помощью находившегося на отдыхе на курорте заместителя директора Керченского историко – археологического музея Ю.Ю. Марти [67]. В том же году Феодосийский историко – археологический музей завершил описание археологических памятников Феодосии, Старого Крыма, Судака [68].

В 1930 – ые годы началось также выявление памятников революционного движения и гражданской войны. Определенную роль в этом сыграло празднование юбилейных дат в истории Советского государства. Еще в 1927 г. Музей революции СССР подготовил специальную «Инструкцию по учету памятников революции» и «Рекомендуемый план работ к ней» [69]. Учетом этого вида памятников занималась созданная при КрымЦИКе в 1934 г. комиссия по охране памятников гражданской войны и Красной Армии. 9 декабря 1938 г. Верховный Совет Крымской АССР утвердил список памятников революционерам, военным и общественно-политическим деятелям в количестве 67 объектов [70]. В него вошли: 31 памятник В.И. Ленину, 31 памятник, увековечивший события революции и гражданской войны в Крыму, по одному памятнику – Э.И. Тотлебену и П.П. Шмидту в Севастополе, С.М. Кирову – в Красноперекопске, М.В. Фрунзе – в Евпатории и абстрактный монумент «Марксизм» в Феодосии.

В 1930 – ые годы по мере активизации изучения памятников все актуальнее становилась проблема, связанная с обеспечением их сохранности. Один из путей ее решения заключался в организации заповедников на месте наиболее значительных объектов. В 1933 г. при участии научных сотрудников Московского отделения ГАИМК Б.Н. Гракова и В.Д. Блаватского был составлен проект границ Керченского археологического заповедника [71]. В него предполагалось включить восточный и северный склоны горы Митридат с руинами Пантикапея, Мелек – Чесменский и Царский курганы, склеп Деметры, раскопанные площади городищ Тиритаки и Мирмекия, крепость Ени – кале, мечеть Суин – Эли у горы Опук [72].

В связи с решением ЦК ВКП(б) о написании истории гражданской войны возникла идея учреждения заповедников там, где проходили ее решающие сражения. В Крыму таким местом являлся Перекоп. В течение 1931 – 1932 г. там работали две научные экспедиции, организованные Наркомпросом УССР совместно с правительством Крымской АССР [73]. Весь комплекс памятников представлял собой неприглядную картину: вал и ров разрушались, братская могила бойцов Огневой бригады находилась в полном запустении, окопы распахивались, камень из стен турецкой крепости расхищался [74]. 20 декабря 1932 г. ЦИК УССР постановил объявить заповедными места перекопских событий на своей территории [75]. Третья экспедиция на Перекоп 1933 г. окончательно установила объекты и проектную смету художественного оформления будущего Всесоюзного заповедника.

Этот замысел получил поддержку в Реввоенсовете (РВС) СССР. 3 марта 1933 г. он внес на рассмотрение ЦИК СССР документ «Об охране памятников гражданской войны», в котором указывалось: «...Исходя из того огромного исторического воспитательного значения, какое имеет увековечение памяти героев и событий гражданской войны... приступить к оборудованию полей наиболее ожесточенных боев под Перекопом, Сталинградом и Ленинградом, обеспечив одновременно сохранение на этих участках системы неразрушенных еще оборонительных сооружений...» [76] 17 ноября 1933 г. КрымЦИК принял постановление «Об увековечении памяти Перекопа и охране его памятников» [77]. Объявлялась неприкосновенной полоса земли с Перекопским валом и рвом. Кроме того, в заповедник надлежало включить отдельные комплексы полевых сооружений: передовые окопы Красной Армии к северу от вала, три пункта около дер. Карпова балка и братскую могилу русских воинов времен Крымской войны. В северной части Красноперекопского района запрещалось ведение хозяйственных работ, разборка развалин, вывоз камня. Для охраны заповедника при содействии Красноперекопского райисполкома были назначены смотритель и два сторожа. 26 октября 1934 г. комиссия по охране памятников гражданской войны, обсудив сообщение директора панорамы «Штурм Перекопа» И.Ф. Янека об обследовании района боев 1920 г. по линии Перекоп – Ишунь - Литовский полуостров-Чонгар, постановила: «...1) установить защитную зону революционного заповедника в ознаменование исторических боев за советский Крым в районе Чонгарского моста к северу от него на 1 км, к югу – на 3,5 км, определив полосу с запада на восток между берегами Сиваша; 2) расширить защитную зону в районе Перекопа, установив ее от Турецкого вала на юг на 1 км...» [78]. К 15-летней годовщине освобождения Крыма от Врангеля намечалось провести реставрацию мест боев на Турецком валу, у Перекопа, Ишунь, Карповой балки, Чонгара, на Литовском полуострове. Комиссия также предложила обратиться в ЦИК СССР с просьбой установить традицию при прохождении поездов через Чонгар давать продолжительные гудки в память о погибших героях.

В конце 1930 – х годов завершилось организационное оформление еще одного заповедника, получившего название «Музей пещерных городов». Идея его учреждения принадлежала работникам Севастопольского краеведческого музея, которые не могли пройти мимо многочисленных средневековых памятников нагорья юго-западного Крыма. Раскопки Эски – Кермена, Мангупа дали ценный материал, позволивший по-новому осветить взаимоотношения полуострова с Востоком, Византией и Западной Европой.

Значительную ценность имели также древности более ранней поры, переходного периода от поздней античности к раннему средневековью, – могильники по рекам Бельбеку и Каче. Их изучение способствовало решению ряда вопросов по этногенезу народов Северного Причерноморья. Вместе с тем все, добытое археологическими экспедициями, оседало в хранилищах столичных исследовательских учреждений. Для того, чтобы сделать эти находки, доступными для широкого ознакомления прежде всего местного населения, как раз и предполагалось организовать специальный музей. В нем намечалось сосредоточить все материалы, отражавшие многовековую историю «пещерных» поселений в Крыму, развитие ремесла, строительной техники. Предложение севастопольцев встретило поддержку ГАИМК, которая 21 июля 1936 г. обратилась в КрымСНК с ходатайством о закреплении за Севастопольским музейным объединением (СМО) территории, занимаемой «пещерными» городами, которые безжалостно разрушались группами неорганизованных посетителей [79]. В докладной записке Крымнаркомпроса в КрымСНК от 22 февраля 1937 г. конкретно был определен район деятельности будущего музея – линия «пещерных» городов во второй гряде Крымских гор [80]. Летом того же года комиссия в составе директора СМО Д.М. Анкудинова, члена ГАИМК Н.И. Репникова, старшего научного сотрудника СМО В.П. Бабенчикова произвела предварительный осмотр городищ и пришла к выводу, что отсутствие твердых границ, определявших территорию памятников, с одной стороны, дает возможность населению производить действия, нарушавшие целостность объектов, как-то: запашку, ломку камня, выпас скота, а с другой стороны, не позволяет наладить должную их охрану [81]. Она сочла необходимым провести четкое вымежевание памятников. 19 октября 1937 г. КрымСНК принял постановление «Об организации Музея пещерных городов». Пункт № 2 его гласил: «...Территорию, занятую пещерными городами: Чуфут – кале около 90 га, Тепе – Кермен около 70 га, Кыз – Куле – бурун около 50 га, Качи – Кальон в Качинской долине – 15 га, Сюренъ около 80 га, Мангуп-кале – 350 га, Эски – Кермен около 30 га, северный конец плато «Топшана» около 1 га, пещерный комплекс «Донагор», пещерный комплекс «Шулдан»,...пещерный комплекс «Челтер», пещерный комплекс «Бакла» – скала с пещерами и могилами, Инкерман – крепость-плато и пещерные комплексы в обрывах скал Монастырской и по левому берегу реки Черной, пещерные комплексы в скале у начала Советской балки... плато городище Уч – Баш...передать в ведение вновь организуемого Музея, объявив участки, занятые городищами государственными заповедниками» [82]. 13 мая 1938 г. данное постановление было дополнено пунктом, по которому заповеднику передавалось «пещерное» поселение «Козу – Кулак – Кая» площадью в 16 га и в свою очередь из него исключался участок «пещерного» комплекса Бакла, полностью вошедший в зону колхозного землепользования [83]. В 1938 г. наркомат земледелия Крымской АССР провел вымежевание территории в 800 га, где располагалось 9 «пещерных» городов [84]. Первоначально музейную экспозицию планировалось разместить в двухэтажном Благовещенском корпусе бывшего Инкерманского монастыря, о чем свидетельствует постановление президиума Севастопольского горсовета от 10 мая 1937 г. [85]. Причем на его оборудование было даже выделено 50 000 рублей. Однако передача помещения затянулась, а в связи с переводом Севастополя на особый режим резко изменились условия работы музеев. Постановлением КрымСНК от 28 ноября 1940 г. СМО было ликвидировано, музей пещерных городов выделен в самостоятельное учреждение и переведен в Бахчисарай [86]. 7 декабря 1940 г. музей открылся для посещения в бывшей мечети «Хан-Джами» Бахчисарайского дворца [87]. В экспозиции были представлены материалы, добытые раскопками Р.Х. Лепера на Мангупе в 1912 - 1914 г. г., экспедициями Севастопольского музея краеведения в 1920 – 1930 г. г., СМО, ГАИМК, Институтом истории материальной культуры в 1936 – 1938 г. г. в Эски – Кермене и на Мангупе [88].

Само собою разумеется, что провозглашение заповедных территорий не обеспечивало автоматически их неприкосновенность. Вместе с тем наделение их определенными юридическими правами позволяло сдерживать «предпринимательскую деятельность» местного населения, наносившую невосполнимый урон историко – культурному наследию Крыма.

Во всем комплексе охранных мероприятий ведущее место занимала своевременная реставрация памятников. В конце 1920 - х – 1930 - ые годы в Крыму особенно остро стояла проблема, связанная с поддержанием памятников. Большая часть их насчитывала ни одну сотню лет. За свою многовековую историю они испытали на себе не только натиск различных явлений природы, но и в большей степени человека. В ранние времена их разрушали отряды воинственных завоевателей, а в более поздние оборотистые предприниматели использовали камень из древних построек на хозяйственные нужды. Понятно, что привести сразу в надлежащее состояние все без исключения памятники не представлялось возможным. Приходилось жертвовать одними во имя других.

Немалые сложности возникли в связи с отсутствием в Крыму достаточной производственной базы и опытных кадров реставраторов. Да и сама советская реставрационная наука находилась на этапе своего становления. Состоявшаяся в 1925 г. в Москве специальная конференция утвердила методические рекомендации по ведению реставрации памятников [89]. Их содержание коротко формулировалось в следующих принципах: 1) документально – историческое обоснование все изменений, которые претерпевает памятник при восстановительных работах, 2) применение материалов, по возможности аналогичных имеющимся в памятнике, 3) возвращение первоначального облика объекта путем освобождения его от последующих наслоений, 4) недопущение восполнений и доделок утраченных частей. Воплощение этих принципов требовало наличия определенных ассигнований, отпускаемых на поддержание памятников. В них же всегда ощущался хронический дефицит. Например, за 15 лет (с 1921 г. по 1936 г.) на капитальный ремонт 21 архитектурного памятника Евпатории было отпущено из государственного и местного бюджетов 6642 рубля, что составляло в среднем 443 рубля в год на все здания или в среднем по 22 рубля на каждое [90]. При таких мизерных затратах рассчитывать на их образцовое содержание вряд ли приходилось. К слову, восстановление только памятников Севастополя требовало 1261420 рублей [91], а Керчи – более 100000 рублей [92].

Вообще до середины 1930 –х годов термин «реставрация» в его истинном значении по отношению к памятникам Крыма вряд ли стоит употреблять, можно говорить лишь о ремонтах, принимая во внимание

те скудные средства, которые поступали на счет Крымнаркомпроса. Так, в 1928 г. Феодосийскому музею удалось осуществить восстановление мечети в с. Карагозы, пострадавшей от землетрясения [93]. Начиная с 1929 г., расходы на содержание памятников в Крыму, как и по всей стране постепенно снижались. Только после утверждения в 1935 г. Президиумом ВЦИК РСФСР списка памятников архитектуры появилась возможность выделить значительные ассигнования на программу реконструкции старых городов, составной частью которой стала и реставрация памятников.

В 1935 г. СНК РСФСР выделил на реставрацию Бахчисарайского дворца 100 тысяч рублей [94]. 19 ноября того же года в ГАИМК состоялось совещание, организованное Институтом истории феодального общества по просьбе Крымнаркомпроса, обсудившее вопрос о научной реставрации всего дворцового комплекса [95]. С докладами выступили архитекторы Г.И. Котов, С.С. Некрасов, А.П. Удаленков, проводившие ранее обследование этого памятника. Все выступавшие выразили единое мнение о том, что реставрации должно предшествовать тщательное исследование дворца, его архитектурных частей и росписей. Но к тому времени во дворце уже начались реставрационные работы под руководством архитектора П.И. Голландского. Выполнение их натолкнулось на трудности, связанные с отсутствием необходимых строительных материалов и опытных мастеров. В основном все свелось к починке черепичной крыши, оштукатуриванию и побелке стен. Причем ошибочное стремление восстановить дворец только в стиле одной эпохи, хотя он существенно изменялся на протяжении двух веков привело к тому, что многие росписи, представлявшие художественные наслоения поздних лет и придававшие зданию восточный колорит, оказались либо полностью уничтоженными, либо погребенными под толстым слоем извести. А.П. Удаленков, осмотревший в августе 1936 г. произведенные работы, пришел к выводу, что «отпущенные государством... средства... употреблены в ущерб этому известному выдающемуся памятнику национальной культуры» [96].

В 1936 г. производился ремонт еще одного бахчисарайского памятника - бань «Сары – Гюзель» XVI в., на который было отпущено 35000 рублей [97]. В том же году СНК РСФСР ассигновал 50000 рублей на поддержание памятников Евпатории [98]. Реставрации подлежали мечети «Джума – Джами» и «Шукурла – эфенди», теккие дервишей (мусульманский монастырь), караимские кенасы, армянская церковь IX – X в. в., два караимских дома. В связи с подготовкою к празднованию 20 – летия Октябрьской революции были приведены в порядок памятники: коммунарам и М.В. Фрунзе в Евпатории, братские могилы красноармейцев на Перекопе, красных партизан в Керчи [99].

В 1938 г. Керченский историко – археологический музей получил из республиканского бюджета 26000 рублей на сбережение археологических и архитектурных памятников [100]. Одна часть этих средств была использована на строительство каменных навесов, предохранявших от разрушения раскопанные археологами в Тиритаке и Мирмекии сооружения, связанные с засолкой рыбы и винодельческим производством. Другая пошла на обновление переданной под антирелигиозный музей церкви Иоанна Предтечи VIII в., а именно: исправление кровли, водостоков, оштукатуривание и покраску стен, раскрытие фресок на алтарных столбах [101].

В 1940 г. из государственного и местных бюджетов на поддержание памятников Крыма было перечислено 373000 рублей, из которых 150000 Севастополю на ремонт и реставрацию памятников революции и Крымской войны, 30000 рублей Симферополю на восстановление Чокурчинской пещеры, 15000 рублей Бахчисараю на ремонт памятников Чуфут – кале, 15000 рублей на памятники Перекопа, 8000 рублей на поддержание памятников Алушты, 100000 рублей Керченскому историко – археологическому музею на строительство лапидария, 55000 рублей Феодосийскому краеведческому музею на ремонт крепости на Карантинном холме и башни Константина [102]. Однако освоение выделенных средств шло очень медленно в виду нехватки строительных материалов. Так, отсутствие необходимой древесины повлекло срыв строительства здания для Керченского лапидария, занимавшего второе место в мире после знаменитых Афин по ценности собранных эпиграфических коллекций. Все же кое – что сделать удалось. По инициативе Севастопольского горсовета были отремонтированы памятники В.И. Ленину и генералу Э.И. Тотлебену [103]. Алуштинский горсовет произвел починку башни и части стены крепости Алустон [104]. Алуштинское дорожно – эксплуатационное управление отреставрировало арку фонтана близ места ранения М.И. Кутузова в сражении с турками у дер. Шумы в 1774 г. [105]. В Феодосии был закончен предупредительный ремонт башни Дживованни ди Скафа, ворот в стене, примыкавшей к башням Климента и Криско, армянских церквей Сергия и Гавриила [106].

Таким образом, состояние охраны памятников Крыма в конце 1920-х – 1930-е годы производит двойное впечатление. С одной стороны, на лицо явное проявление нигилизма по отношению к культурному наследию прошлого, и как результат этого уничтожение храмов, разборка на стройматериалы средневековых построек, запущенность воинских мемориалов, мизерные ассигнования, не позволявшие обеспечить охрану памятников и поддержание их в надлежащем виде, хроническое невыполнение союзно – республиканских и местных постановлений об учете и утверждении списка памятников, подлежавших охране. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и созидательную работу в данной сфере, а именно: развитие законодательства об охране культурного наследия, систематическое археологическое изучение различных древних культур, создание заповедников, ремонт наиболее значимых памятников.

Источники и литература

1. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01. 01. 2004 г.). – Симферополь, 2004. – С. 1–465.
2. Відомості Верховної Ради України. – Київ, 2000. – №39. – С. 754–772.
3. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за 10 лет Советской власти в Крыму //Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). – Симферополь – 1930. – Т.IV. – С.93–123; Гелах Т.Ф. Охрана археологических памятников в Крыму // Экономич-

- ка и культура Крыма. – Симферополь. – 1934. – №9 – 12. – С. 181–184; Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921 – 1930) // ИТОИАЭ. – Симферополь. – 1930. – Т. IV. – С. 72–84; Шульц П.Н. Историко-археологические исследования в Крыму за годы Советской власти // Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 587. – Л. 1–35.
4. Козлов В.Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920 – 1941) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. – М.: ГОСНИИР.–1994. – Вып. 15. – С. 126 – 156.
 5. Сытин П. Надо ли охранять все старое // Коммунальное хозяйство. – М., 1925. – №23. – С. 47–48.
 6. ГААРК. – Р-663. – Оп.10. – Д.1634. – Л.6(Об).
 7. Там же. – Д.1662. – Л.2.
 8. Там же. – Д.1587. – Л.48.
 9. Там же. – Д.1594. – Л.33.
 10. Там же. – Д.1595. – Л.5, 55; – Д.1784. – Л.1. – Д.121.– Л.24; – Р-138. – Оп.1. – Д.71. – Л.15.
 11. Там же. – Р-663. – Оп.10. – Д.853. – Л.21.
 12. Там же. – Д.1595. – Л.81.
 13. Там же. – Д.861. – Л.30.
 14. Там же. – Д.1662. – Л.12.
 15. Там же. – Д.1595. – Л.76.
 16. Там же. – Д.1586. – Л.2 – 3.
 17. Гелах Т.Ф. Указ. соч. – С.183.
 18. Там же. – С.184.
 19. ГААРК. – Р.-138. – Оп.1. – Д.11. – Л.28.
 20. Там же. – Д.16. – Л.1.
 21. Там же. – Р-663. – Оп.6. – Д.103. – Л.3.
 22. Крымская правда. – 1989. – 20 января.
 23. Козлов В.Ф. Указ. соч. – С.147.
 24. Иванов А. Охрана исторических памятников // Советский музей. – М., 1936. – № 6. – С.115; ГААРК.– Р-663. – Оп.8. – Д.108. – Л.9, 11 – 12; – Д.553. –Л.118–119.
 25. ГААРК. – Р-652. – Оп.1. – Д.1241. – Л.18 – 18 Об.
 26. Там же. – Р-663. – Оп.1.– Д.1815. – Л.11.
 27. Там же.– Р-2865. – Оп.2. – Д.5. – Л.9 Об.
 28. Левинсон Н.Р. Охрана внемузейных памятников // Советский музей. – №6.– С.56.
 29. Там же.– С. 57.
 30. ГААРК.– Р-652. – Оп.4. – Д.756. – Л.7–12.
 31. Каргер М. Паспортизация памятников старины, искусства и революционного движения //Сообщение Государственной Академии истории материальной культуры (СГАИМК). – М.-Л., 1932.– №1–2. – С. 69.
 32. ГААРК. – Р-137.– Оп.1. – Д.288. – Л.4.
 33. Там же. – Р-137.– Оп.6.– Д.14. – Л.28, 40; – Оп.1.– Д.288. – Л.4об.: – Д.341. – Л.22; – Р-2058. – Оп.4.– Д. 942. – Л.118.
 34. Там же. – Р-652. – Оп.4. – Д.71. – Л.1, 3.
 35. Там же. – Р-663. – Оп.4.– Д.791. – Л.2–3.
 36. Там же. – Оп.5.– Д.96.– Л.2.
 37. Там же. – Д.99.– Л.2.
 38. Там же. – Оп.6. – Д.103. – Л.8.
 39. Там же.– Л. 20–21.
 40. Шулепова Э.А. Создание и начало деятельности Комитета по делам искусств (1936 – 1941) // Вопросы истории (ВИ). – 1977. – №1. – С.47 – 59.
 41. ГААРК.– Р-3076. – Оп.1. – Д.25. – Л.25.
 42. Там же.
 43. Там же. – Л.17.
 44. Там же.– Р-20. – Оп.7.– Д.4. – Л.2 – 2 Об.
 45. Там же. – Д.1 – Л.6.
 46. Там же. – Л.27.
 47. Там же. – Р-3076.– Оп.1.– Д.25.– Л.95 – 96.
 48. Забнин С.И. Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму // ИТОИАЭ. – Симферополь, 1928. – Т.II. – С.146.
 49. ГААРК. – Р-20. – Оп.7. – Д.14. – Л.2.
 50. Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921 – 1930). Машинопись // ГААРК. – Р-3283. – Оп.1.– Д.9. – Л.9 Об.
 51. Бибиков С.Н. Грот Мурзак – Коба – новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // Советская археология (СА). – 1940. – №V.– С.159 – 177.
 52. ГААРК. – Р-138. – Оп.1. – Д.75. – Л.3; Бадер О.Н. О мустьерской стоянке у Волчьего грота // Вестник древней истории (ВДИ). – 1940. – №2. – С.198 – 200.
 53. ГААРК. – Р-652. – Оп.15. – Д.577. – Л.1.
 54. Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. – 1937. – №3. – С.252 – 254.
 55. Гриневич К.Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1927 – 1928 г. г. // Крым- М. – Л. – 1929. – № 1(9) – С.14 – 32.
 56. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935 – 36 г. г. – Симферополь, 1938.

57. Шульц П.Н. Историко-археологические исследования... – Л.25; Щеглов А. Полис и хора. – Симферополь: Таврия, 1976. – С. 53.
58. Блаватский В.Д. Раскопки Харакса 1931, 1932 и 1935 г. г. // ВДИ. – 1938. – №2. – С. 320 – 325.
59. Гайдукевич В.Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритакте // СА. – 1940. – №6. – С. 298–301.
60. Эрнст Н.Л. Эски – Кермен и пещерные города Крыма // ИТОАИЭ. – Симферополь. – 1929. – Т.III. – С.34.
61. Репников Н.И. Эски – Кермен в свете новых археологических разведок 1928 – 1929 г. г. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры (ИГАИМК). – Л. – 1932.– Вып. 1–8. – С. 7.
62. Акчокраклы О. Старо – Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. – Симферополь. – Т.III. – С.152 – 159; Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут - кале // ИТОИАЭ. – Симферополь. – 1929.- Т.III. – С.170 – 183; Акчокраклы О. Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. – Симферополь – 1929. – Т. III. – С. 183 – 187.
63. Барсамов Н.С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929 – 1931 г. – Феодосия, 1932.
64. ГААРК. – Р-663. – Оп.6. – Д.104. – Л.8.
65. Там же. – Р-3076. – Оп.1. - Д.5. – Л.6 – 14; Д.25. – Л.25.
66. Там же. – Р-3283. – Оп.1. – Д.25.- Л.2; Эрнст Н.Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. // СА. – 1937. – №3 – С. 244.
67. ГААРК. – Р-20. – Оп. 7. – Д. 15. – Л. 42.
68. Там же. – Д.5. – Л.244 – 244 Об.
69. Левинсон Н.Р. Указ. соч. – С. 58.
70. ГААРК. – Р-2055. – Оп.4. – Д.6. – Л.10 – 14.
71. Там же. – Р-138. – Оп.1. – Д.16. – Л.59.
72. Там же. – Р-219. – Оп.1. – Д.1847. – Л.101.
73. Там же. – Р-663. – Оп.4. – Д.431. – Л.6 – 7.
74. Крисин Г. Экспедиция на Перекоп 1931 года. – Харьков, 1932. – С.32.
75. ГААРК. – Р-663. – Оп.4. – Д.100. – Л.5.
76. Там же. – Л. 4.
77. Там же. – Л. 1 – 2.
78. Там же. – Р-663. – Оп. 6. – Д. 103. – Л. 22.
79. Там же. – Р-652. – Оп. 10. – Д. 141. – Л. 60.
80. Там же. – Л. 59 – 59 Об.
81. Там же. – Д. 58. – Л.214.
82. Там же. – Л. 206.
83. Там же. – Р-652. – Оп. 11. – Д. 18. – Л. 14
84. Там же. – Р-20. – Оп. 7. – Д. 5. – Л. 217.
85. Там же. – Р-652. – Оп. 10. – Д. 58. – Л. 213; Р-4280. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2 Об.
86. Там же. – Р-20. – Оп. 7. – Д. 1. – Л.13 – 13 Об.
87. Там же. – Оп.11. – Д.6. – Л.14.
88. Там же. – Оп.7. – Д.4. – Л.94 – 94 Об.
89. Левинсон Н.Р. Указ. соч. – С.60.
90. ГААРК. – Р-138. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 52.
91. Там же. – Р-652. – Оп. 15. – Д. 577. – Л. 30.
92. Там же. – Д. 12. – Л. 60.
93. Барсамов Н.С. Феодосийский археологический музей и галерея Айвазовского //Крым – М. – Л. – 1928 – №1. – С. 102.
94. ГААРК. – Р-663. – Оп. 7. – Д. 111. – Л. 3; Р- 652. – Оп. 8. – Д. 128. – Л. 28.
95. Там же. – Р-2865. – Оп.2. – Д.10. – Л.1 – 13.
96. Там же. – Л. 21.
97. Там же. – Р-652. – Оп. 10. – Д. 152. – Л. 6
98. Там же. – Оп. 9. – Д. 219. – Л. 85.
99. Там же. – Р-663. – Оп. 8. – Д. 398. – Л. 3; Р-20. – Оп. 7. – Д. 15. – Л. 53.
100. Там же. – Р-20. – Оп. 7. – Д. 5. – Л. 128.
101. Там же. – Р-3076 – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 62.
102. Там же. – Р-2055. – Оп. 4. – Д. 36. – Л. 32.
103. Там же. – Р-652. – Оп. 15. – Д.577. – Л. 26.
104. Там же. – Р-3076. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 13; Р-20. – Оп. 7. – Д. 25. – Л. 42.
105. Там же. – Р-3076. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 76.
106. Там же. – Р-4060. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 812.